

ЛЕФ АГИТКИ

МАЯКОВСКОГО
АСЕЕВА
ТРЕТЬЯКОВА

Агит-заметки А. Крученых.

Обложка В. Кулагинной-Клуцис.

**Издание Всероссийского Союза Поэтов.
МОСКВА — 1925 г.**

Леф - агитки.

Лефом недаром называется левый фронт искусства: в него входят многие отряды — поэты, художники, беллетристы, теоретики и проч.

Каждая из этих частей владеет разными видами оружия, так, напр., среди поэтов имеются: 1) специалисты лабораторники, готовящие модели слова, 2) поэты «будовитые», пишущие главным образом для завтрашнего дня и есть, наконец, 3) агитаторы и плакатисты, работающие на злобу дня.

В настоящей книге собрано лучшее, что сделано поэтами Лефа для злободневной и широкой агитации.

Чем отличается эта работа от других поэтических работ.

Главным образом своим заданием: воздействовать на возможно большее число слушателей.

Агитка на политические темы и на хозяйственно-экономические (в этом случае она чаще называется рекламой), — не ограничивается воздействием на известную группу людей (чем вполне может удовлетвориться, напр., специально ученый труд или иная мудреная лирическая поэма), или даже воздействием на определенный класс, а стремится захватить «в сферу своего влияния» весь народ, всю страну, а то и весь мир.

Ясно, что в этом случае агитка должна быть во-первых: очень популярной. общедоступной по мысли и

языку, по форме, а во-вторых — **очень художественной и оригинальной**. Если она не выполнит второго условия, то воздействие ее ограничится только примитивными массами, минуя высоко-культурные и квалифицированные, а, что самое главное, и среди простых слоев скоро улетучится и забудется.

Я приведу здесь пример того, как поэты Леф а выполнили первое условие — общедоступность агитки. В этом случае важно себе представить главную (по количеству) массу, для которой пишется агитка.

Товарищ Я. Шафир в книге «Газета и деревня» так рисует массового крестьянина-читателя:

«Нас человек 15. Отправляемся в столовую. Даю читать первому Михаилу Осташеву (в «Нашей газете» № 60) небольшую заметку «Наглость убийц». Небольшая справка: Осташеву 19 лет. 1¹ 2 года в Борисоглебской гимназии учился, читает с трудом.

Затруднения начинаются с заголовка. Я спрашиваю — Что такое «наглость убийц».

В разрешении вопроса принимают участие все, повторяя задумчиво: «наглость убийц», «наглость убийц»...

Наконец, вопрос разрешает Михаил Дедов (20 лет, окончил сельскую школу):

Это значит — совсем убили, а не так равнили там или как...

... Не поднимают: «предостерегает от последствий его поведения» (каждое слово в отдельности понимают) не знают, что такое «Грузия».

Всезнайка Пискунов разъясняет:

Это автономная такая.

В этом же номере помещено стихотворение Маяковского: «Крестьяне, собственной выгоды ради, поймите — дело не в обряде».

Даю это читать Дедову и Ивану Коротких. К моему изумлению, они Маяковского понимают.

Я спрашиваю, что значит — «В мозгах вывих?»

Ответ—«В роде дурака...»

Эта агитка вошла в брошюру Маяковского «Обряды» (Изд. «Красная Новь», 1923 г.).

К сожалению, в издание вкратились, по вине наборщика, ошибки: «на протяжении всего двух страниц все имела перепутаны—страдает Ваня, а вешается Петр». («Тедф» № 1). Перепутаны еще Спиридон и Сапрон, и «окружили» вместо «окружили»

Привожу эту агитку целиком, выправив указанные опечатки, а также сделав другие необходимые корректурные исправления, главным образом в знаках препинания.

Крестьяне,

собственной выгоды ради

поймите,

дело не в обряде.

Известно,

у глухого человека

в мозгах вывих

чуть что.

зовет долгогривых.

Думает,

если попу

как следует дать.

сейчас же

на крестьянина

спускается благодать.

Эй, мужики!
эй, бабы!
в удивлении разиньте рот—
Убедится
даже тот,
кто мозгами слабый,
что дело
наоборот.

Жила-была
Анюта красавица,
красавице
красавец Ваня нравится,
Но папаша Анютки
говорит:
«Дудки!»

Да и мать Анютина
глядит крокодилицей,
Словом,
кадилу в церквах не кадилиться,
Свадьбе не бывать;
Хоть Анюта и хороша
И Ваня не плох,
да за душой—
ни гроша.

Ждут родители,
на примете у них,—
Спиридон жених.
Хоть Спиридону
шестьдесят с хвостом,
да в кубышке
миллиардов сто.
Словом,
не слушая Анютино воя,
Окрутили Анютку у аялаю

И пошел у них
«законный брак»,
избу
разрывает от виага и драк.
Хоть и крест целовали, на пона глядя,
хоть кружились
по церкви
в православном обряде,
Да Спиридону,
злая со дня на-день,
рвет
жена
волосенок пряди.
Да и Аниюту
Спиридон
измочалил в лоскут,
вырывает кобу
ежеминутно по волоску.
То муж хлоп,
то жена хлоп.
Через месец,
каждый,
как свечка тонкий.
А через год
легли супруги в гроб:
жена без косы,
муж без бороденки.
А Ваня
впал в скуку,
пыткой кипятился в собственном соку
И, наконец,
наложил на себя руку:
повесился
на первом суку.
В конце ж моей стихотворной повести

И родители
утопились
от угрызения совести.
Лафа от этого
одному попику.
Слоновые пузо
от даяний окреп.
Знай выколачивает
из бутылей
пробки.
Самогоном требует за выполнение грёб.
А рядом
жили Иван да Марья—
Грамотен ярые.
Полюбились
и, не слушая родственной рати.
Пошли
и записались
в комиссариате.
Хоть венчанье
обошлось без ангельских рож
А брак
такой,
что водой не разольешь.
Куда церковный!
Любовью,
что цепью друг с другом скованы.
А родители
только издали любятся ими.
Наконец, пришли:
«Простите,—
дураки мы!
И на носу зарубим,
и в памяти:
За счастьем
не-зачем к'понам идти».

Если эта агитка и напоминает басни Крылова, то во всяком случае обновленные, освеженные современной поэтической техникой и коммунистической идеологией. Естественно, что агитки Маяковского производят впечатление и на высоко-культурных людей.

Вот, например, что заметил Ленин на Всероссийском съезде металлистов 6-го марта 1922 года, говоря о нашем пристрастии бесконечно заседать:

«Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам этого поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области, но давно я не испытывал такого удовольствия с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а на счет политики ручаюсь, что это совершенно правильно».

Думается однако, что Ленин выразил свое мнение не только о политической стороне агитки, потому что если бы она была плоха поэтически, то Ленин бы ее просто не заметил и конечно никакого бы удовольствия не испытал.

Л. Троцкий замечает о Маяковском: «Многие его образы, обороты, выражения вошли в литературу если не навсегда, то надолго. У него свое построение, свой образ, свой ритм, своя рифма» („Литература и Революция“).

Думается, что все это приложимо и к агитстихам Маяковского, тем более, что некоторые из них уже успели сделаться популярными революционными песнями, как напр.: «Наш марш» и «Левый марш», а некоторые строчки из агит-реклам стали новыми поговорками, как например.

Нам чужих «апогеев» не нужно,
А своих никому не отдадим.

Нигде кроме
Как в Моссельпроме!

и!":

Хорошая книга!

А то

с какой стати —

стали б

плохую

издавать в госиздате!

Последние строчки, например, часто приводились в виде поговорки в разных статьях в «Известиях».

Пословицы и крылатые слова Леф'ов делаются образцами, моделями, по которым многие строят агитационные фразы. Особенно было использовано название пьесы у С. Третьякова «Земля дыбом». Оно стало формулой, в которой иксом явилась «земля». С изменением этого икса получался ряд новых изменений:

«Москва дыбом» (обозрение, поставленное в театре оперетты).

«Севильский Цирюльник дыбом» (в Большом театре).

В статьях и на дискуссиях:

«Церковь дыбом».

«Марксизм дыбом».

«Вода дыбом».

«Кв дыбом» и т. д.

Строчки Маяковского:

Светить —

и никаких гвоздей!

Вот лозунг мой —

и солнца!

были использованы в различных целях, так напр., в газете «Синяя блуза» они приняли следующую форму:

Светить и никаких гвоздей,—

Вот лозунг ваш и наш!

Первая фраза изменялась еще так: летать (плясать, блистать и пр.) и никаких гвоздей!

Заканчивая свое «вступительное слово», приведу еще ряд общих (принципиальных) соображений об агитационной поэзии, высказанных О. Бриком на страницах «Журналиста»:

«Среди поэтов и «любителей поэзии» существует предубеждение против агит- и реклам- стихов. Им кажется, что стих должен быть из «глубины взволнованной души», что унижительно профанировать «чистую» поэзию на агит- и реклам-тенденциях».—Поэты, пишущие по заданиям Главполитпросвета и ВСНХ, презираются..

Глушеишая идеалистика! Каждый поэт пишет по чьим-либо заданиям: и ничуть не почетней писать по заданиям эстетствующих девиц, чем по заданиям наших госорганов. Скорее—наоборот.

Сцепка слов стихом широко использована в быту. Стихом писались законы, изречения, пословицы, поговорки. Стихотворные эпиграфы и цитаты—неотъемлемая часть всяческих лит-работ. Разговор наш пересыпан „подходящими к случаю“ стишками. — Немудрено, что стих стал одним из излюбленнейших приемов агитации и рекламы.

Стих ударен и хорошо запоминается. Качества для агитации и рекламы незаменимы...

Запомнить стихи легче, чем прозу. Причина — тройная связь слов (по смыслу, по ритму, по звуку).

Формы реклам-стиха многообразны: от кратких двустиший до объемистых поэм. Удобней короткие стихотворения. Их легче использовать в объявлениях, проспектах, плакатах, преис-курантах. Они становятся лозунгами, ударными реклам-формулами.

Реклам-стихи должны быть остроумны и впечатлять неожиданными словосочетаниями. Эти словосочетания могут быть построены на различной игре словами: образами, значениями, синонимами, рифмами и пр.

Приведу примеры—у того же В. В. Маяковского:

Игра образами; например,—папиросы „Червонец“ и червонец (дензнак):

„Папиросы „Червонец“ хороши на вкус.

Крепки, как крепок червонный курс“.

Или:

„Леда“,—табак вкусный и легкий.

Даже бабочка не испортит легких“.

Игра значениями слов:

„Папиросы „Шутка“ не в шутку, а всерьез

Вкусней апельсинов, душистей роз“.

Действие хорошего реклам-стиха огромно. Он навязчив и прилипчив. Его трудно забыть, даже если он надоед. — Но при условии, если он хорош, технически хорош. — Плохие реклам-стихи просто не запоминаются, не останавливают внимания, не рекламируют. Вот почему написать хороший реклам-стих трудней, чем лирическое стихотворение на тему «о розах и грезах». Вот почему многие прославленные лиро-поэты не справляются с самым простым агит- или реклам-заданием“.

Избранные агитки я распоружил по отделам: политический, антирелигиозный, производственный и культурно-просветительный.

Мною сделаны примечания к агиткам, а также исправлены особенно досадные типографские ошибки и опечатки, мешающие правильному и сосредоточенному восприятию.—так напр., в двух антирелигиозных агитках Маяковского их набралось свыше пятидесяти!

Агитки политические.

Начнем с «азов»...

Образцы простейших и кратчайших агит-стихов даны Маяковским в его «Советской азбуке».

Эти двустишия возникли как надписи под его же плакатами в Росте.

Потом были изданы отдельной книгой с рисунками автора (литография).

Хотя некоторые двустишия уже утратили свою злободневность (азбука писалась в 18—19 г.г.), я думаю интересно прочесть азбуку целиком, во-первых, потому, что ее первое издание—редкость, а во-вторых, для цельности впечатления.

Двустишия на некоторые буквы привожу с вариантами.

Юлу вертят, когда торги,
Юденич воевал до каторги.

Не только рассматриваемые нами, но и все остальные
двуступенчатые „Азбуки“ проснутся в поговорки:

Антисемит Антанте миз
Антанта—сборище громил.

Большевики буржуев ищут
Буржуи мчатся верст за тыщу.

Вильсон важнее прочей птицы
Воткнуть перо бы в ягодицы.

Гольд фондер прет на Ригу. Храбрый!
Гуляй, пока не взят за жабы!

Деникин с шайкой лезет к Туле.
Дойдешь до Тулы, черта в стуле!

Деникин взял было Воронеж,
Держи-ка, дядя, а то уронишь!

Европой правит „Лига Наций“.
Есть где воршикам разогнаться!

Железо куИ, пока горячее.
Жалеть о прошлом—дело рачье.

Интеллигент не любит риска
И красен, в меру, как редиска.

Корове трудно бегать быстро
Керенский был премьер-министром.

Лакеи подают на блюде—
Ллойд-Джордж служил и вышел в люди.

Меньшевики такие люди—
Мамашу могут пронудить.

На смену вам пора бы Носке!
Носки мараются от носки.

Ох, спекулянту хоть повеситься!
Октябрь идет. Не любят месяца.

Поли занялись делом хлебным—
Погромщиков встречать молебном.

Рим город и стоит на Тибре.
Румыны смотрят, что бы сгибнуть.

Сазонов послан вновь Денкиным.
Сиди послом, пока не выкинем.

Тот свет буржуям отдых сладкий.
Трамваем Б. без пересадки!

У правых лозунг «учредилка».
Ужели жив еще курилка?!

Хотят в Москву пробратся Шкуры.
Хохочут утки, гуси, куры.

Цветы благоухают к ночи.
Царь Николай любил их очень.

Чалдон на нас шел силой ратной
Чи не пойдет ли он обратно?!

Шумел Колчак, что цароход.
Шалишь верховный! Задний ход!

Юнцы охочи зря приврать.
Юденич хочет Питер брать.

Японцы, всеу белых учите!
Ярмо Мигадо нам не всучите!

„Рассказ о дезертире“

**Текст и рисунки В. В. Маяковского. Госуд. издат. 1921 г.
тираж двести тысяч.**

Второе изд.—„Красной Нови“ 1923 г.

**Рассказ о дезертире,
устроившемся недуренько,
и о том,
какая участь постигла самого его
и семью шкурника.**

**Защищая рабоче крестьянскую Русь,
стали фронтами красноармейцы.
Да как в стаде
овца паршивая,
трус
и меж их рядами имеется.**

Жил в одном полку
Селиверст Рябой...

...бьется рать горяча
против барско буржуйного ига,
У Рябова же слово одно—

„для ча
буду я на рожон прыгать!“
Встал стеною полк—
Фронт раскинул свой,
Селиверст стоит в карауле,
Поднимает за пулей пуля вой;
Селиверст испугался пули.

Дома печь и щи,
замечтал Селиверст—
бабья рожа встала
из воздуха!

Да как дернет Рябой!
Чуть не тыщу верст
пробежал без единого ровдыха.

Здесь опять длинная раскатистая рифма—спильный
выдох после тысячи верст.

Дальше идет спокойнее, отрывистее:

Прибежал:

Поцел лобываться с женой,
пообедал.

Залег за печкой.

Задремал.

Заснул.

Захрапел, как Ной,—

никакой не достанешь Ве-Че-Кой!

А на фронте

враг видит: полк с дырой,
враг пролазит щелью этою,

а за ним
золотовады́й рой
лезет в дырку—
блестит эполетою.

Лезут
С радости аж не чувт ног,
Где и сколько не занято мест ими!
Пролетария гнут в бараний рог,
сыпят в спину крестьян манифестами!
Удланувшие бары едут в дом.

Мчит буржу́й—
не видали три года никак!
Снова школьника под обучает крестом
уважать заставляет угодника.

В то село пришли, где храпел Селиверст.

Смотрят—
выглядит дом аккуратненько.
Тычет в хату Рябова исправничий черт
посылает занять—урядника.
Снится дурню сон,
что в раю живет,
что галушки глотает тыщами.

Вдруг
как хватит его
крокодил
за живот,
то урядник хватил сапожниками.

Здесь изблюбленные словечки Маяковского на „лице“
и одновременно длинные рифмы.

„Как ты смеешь спать, такой рассякой,
мать твою растак и разетак!
Я тебя запорю,
я тебя zaseку
и повешу тебя напоследок к!“

„Барин!“ взвыл Селиверст,
а его
кнутом
хватъ помещик по
глупой рожѣ:

„Отдавай и себя
и поля,
и дом,
и жену помещику
тоже!“

И пошел прошибать Селиверста пот—
вновь припомнил барщины мѹку,
а жена его
на дворе
у господ
грудью кормит барскую суку.

**Сей истории прост и ясен сказ:
вы видали, наказаны дурни как?
Чтобы это же не стряслось и у вас,
да не будет меж вами шкурника!**

В. Маяковский написаны еще полит-агитки:
«Маяковская галерея». Изд. «Красная Новь»
1923 г.

А также в сборниках его стихов:
«Маяковский издевается», «Маяковский улыба-
ется, смеется, издевается», «Стихи о революции»
и др

Н. Асеев.

Марш Буденного.

С неба полуденного
Жара— не подступи,
Конная Буденного
Раскинулась в степи.

Не сынки у маменок
В помещичьем доме,
Выросли мы в пламени,
В порохом дым.

И не древней славою
Наш выводок богат—
Самн литься лавою
Учились на врага.

Пусть паны не хвастают
Посадкой на скаку—
Смелим рысью частою
Их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
Как травы шелестят,
Когда несется конница
Рабочих и крестьян.

Все, что мелкой пташкою
Вьется на пути,
Перед острой пашкою
В сторону, лети!

Не затеваем бой мы,
Но, помня Перекоп,
Всегда храним обоймы
Для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
Памятью о нем, —
Так растопчем всякую
Гадину конем.

Никто пути пройденного
Назад не отберет, —
Конная Буденного
Армия вперед!

(Из поэмы Н. Асеева
«Буденный»
изд. «Красная Новь»).

Н. Асеевым написана еще полит-агитка:

„Софрон на фронте“. изд. В. В. Р. С. 1922 г.

Антирелигиозные агитки.

Из книги Маяковского „Обряды“—изд. „Красн. Новь“.

Кому и на кой ляд целовальный обряд.

Верующий крестьянин
или неверующий.
Надо или не надо,
Но всегда
норовит
выполнять обряды.

Вся агитка, а особенно начало ее, хороший образец разговорной речи в стихах, даже слова совсем „не поэтические“, а растянутые и тяжело—звучащие („неверующий“ с гинердантическим окончанием и др.)

В церковь упираются
или в красный угол,
Крестятся,
пялят глаза,—
А есом
норовят облизать друг друга,
Пли лапу поцовекую,
или образа.

Шел
 через деревню
 прыщастый калека,
 Калеке-б этому —
 нужен лекарь.
 А калека фыркает:
 «Поможет бог».
 Остановился у образа, —
 и в образ чмок.
 Присосался к иконе
 долго и сильно.
 И пока
 выпачкивал губищи грязные,
 С губищ
 на образ
 вползла бацилина —
 Заразная,
 Посидела малость
 И размножалась.

Опять излюбленные Маяковским увеличительные „сло-
 вища“: губищи, прыщастый, бацилина, что придает сло-
 вам более русский и народный характер.

А через минуту,
 гуляя
 ради
 Первопрестольного праздника,
 Вавила Грязнушкин,
 стоеросовый дядя,
 Остановился
 и закрестился у иконы грязненькой.
 Покопав с аллилуями,
 Будто вошь,
 В икону
 Вавила
 вцепился поделуями

Да так сильно,
Что за фалды не оторвешь.
Минут пять
бациллы
Переползали
с иконы
на губу Вавилы.
Помолился
и понес бациллы Грязнушкин.
Радостный идет,
аж сияют веснушки!
Идет,
из-за хаты
перед Вавилою
Встала Маша—
Вавилина милая.
Ради праздника
не на шутку
Впился Вавила
губами
в Машутку,
Должно-быть с дюжину,
бацилла за бациллою,
Переползали в уста милой.
Вавилат
сияет,
аж глазу больно,
В скорости свадьбу рисует разум.
Навстречу кум—
«Облобызаемся
по случаю престольного!»
Облобызались,
и куму
передал
заразу.

Пришел домой,
семью скликал.
И всех перелобвал—
от мала до велика.
До того разлюбывался в этом году,
Что даже
пса
Подкана
лобызнул на ходу!
В общей сложности,
ни много ни мало,
Слушайте,
на слова веря,—
Человек полтора ста налобызал он
И
одного зверя.
А те
заразу,
в свою очередь,—
Нередали—
кто мамаше,
кто сыну,
кто дочери.
Через день.
ночью
проснулся Вавила:
Будто
губу ему
колесом придавило!
Глянул в зеркало.
Крестная сила!
От уха до уха
губу перекосило.

А уже
и мамаша
зеркало ищет.
Что это, говорит,
как гора
губица?
Один за другим выползает родич.
У родичей
губы
галюши вроде.

Вид у родичей—
Не родичи.
а уродичи.

Каламбур: у родичей — вроде — не родичи — а уродичи.

Полкан,
и тот.
рыча,
Перекатывается
и рвет губу с плеча.

Лизнул кога—
болезнь ту
Передал коту.
Мяукает кот,
пиццит и носится.

Из-за губы
не видно переносицы.

К утру взвыло все село,
Полсела
в могилы село.

Лишь пес
да кот
выжили еле.

И то—
окривели!

Осталось
от деревни
только человек двадцать—
Не верили,
не прикладывались
и не желали любознаться.
Через год
объяснил
доктор один им—
Что село
переболело
нарывом лошадиным.

Маяковский заканчивает агитку на самых низких
звуках: нарывом—вывод—кобылогубыми.

Крестьяне,
боль вывод не сделаете сами—
Вот он:
У образов не стойте разнями,
Губой
не елозьте грязными образами,
Не христосуйте,
и не будьте
кобылогубыми образинами.

Крестить,
это
только
попам рубли скрести.

Крестьяне—
бросьте всякие обряды!
Обрядам
только попы рады.

Посудите вот:
Родился человек,
или помер,
Попу доход,
а крестьянину ничего—
неприятности кроме.

Жил да был мужик Василий,
богатый,
но мозгами не в силе.

Родилась у него дочка—
маленькая,
как точка.

Не дочь,
а хвороба,—

Смотри в оба.

Надо бы
ее
немедленно к врачу,—

Да Василий говорит:

«Доктора
чушь!»

Впрягу Пегова
и к попу лечу,

Поздоровеет моментально—
только окрещу».

Пудами стол
уоставили в снеть,

К самогону
огурцов присовокупили воз еще.—

Чрезмерный прозаизм—канцелярское слово (присовокупили) и дальше пошли словища: „Дьякон, кудластый, как медведь,—Пришел пов толстый, как паровознице,“
А гостей собралось ради крестин!!!

Откуда их
 столько
 удалось наскрести?!

Гости
 с попами
 попили,
 попели

И, наконец,
 собралися вокруг купели.
Цыкон напился.
 аж не дополз до колодца,
Воду набрал—
 из первого болотца.

Вода холодная да грязная—
Так и плавают микробы разные.
Крестный упился.
 и не то что троекратно—
Раз десять окунал
 туда и обратно.

От холода
 у бедной дочки
Ручки и ножки
 как осиновые листочки.

Чуть было
 дочке
 не пришел капут:
Опустили ее
 в воду
 вместе с головою,

Да дочка
 сама
 всешалась тут,
Чуть не надорвалась в плаче
 и в вое.

Тут ее
вынула крестная мать,
Да мимоходом
головкой о двери хватъ.
Известно одному богу,
Как ее не прикончили
или не оторвали ногу.

Беда
не любит одна шляться,
Так вот
еще,
на беду ей,

(Как раз
такая святая подвернулась в святцах)
Назвали—

«Перепетуей».

После крестин
ударилась в обжорку
да в пьянку,

Скулы
друг другу
выворачивали наизнанку.

На общем фоне жаргонно разговорных оборотов: (аж не доплз, как ее не прикончили, обжорка, „пьянка“), иногда всплзают. для большего комизма, слово —обломки довоенного времени: троекратно, капут, крестный упилса...

Василий
от сивухи не в своем уме:
Начисто
ухо
отгрыз куме.

После крестин
дочка

Прохворала
 полтора годочка.
Доктора отходили еле.
 От крестной
 ножны все-таки
 окривели.

Подросла
 и нравится жениховским глазам уж,
Да никак Перепетун
 не выдать замуж.

Женихи говорят:
 „При таком имене
В жены никак не подходите вы мне“.
Зачахла девица
 из-за глупых крестин,

Так
 можно
 дочку в гроб свести...

А по-моему
Не торопись при рождении младенца,
 младенец никуда не денется.

Пойдешь за покупками,
 кстати,
Зайди и запиши дитя в комиссариате.
А подрос,

 и если Сосипатр не мил,
Или имя Перепегуя тебе не мило,
Зашел в комиссариат
 ли переменял,
Зашла в комиссариат
 и переменяла.

В. Маяковский.

Из книги:

**„Ни знахарь,
ни бог,
ни ангелы бога,—
крестьянству не подмога“.**

Мы
сбросили с себя
помещичье ярмо,
Мы
белых выбили,
наш враг
полег исколот;
Мы
побеждаем
волжский мор и голод,
Мы
не даем
разрухе
нас топтать ногами;
Мы победили,
но не для того ж,
Чтоб очухаться
под богами,

Чтоб взвилась
вновь,
старья вздымая пыль,
ворожья стая
и сорочья,
Чтоб снова
загнусливы попы,
религиями люд мороча.
Чтоб поп какой-нибудь
или раввин,
вчера
благословлявший за буржуев драться.
Сегодня
ручкой, перемазанной в крови.
за трыбы требовал:
попам подайте, братцы!
Чтоб проповедуя
смиренья и посты,
ногами,
в тишине монашских келлий,
за пояс
закрутивши
ряеовы хвосты,
откалывали
спьяну
трепака
да поросевка с хреном ели.
Чтоб в небо закатив свиные глаза.
Стараясь вышибить Россию из ума,
Про Еву,
про Адама сказывали сказки,
на место знаний
разводи туман.
Товарищ,
подумьсь!
чего пред богом сник

В свободном
 вышешнем —
 ученом веке:
Не от ионов и знахарей, —
 из школ,
 из книг
Узнай о мире
 и о человеке!

Прошения на имя бога в засуху не подмога.

Эй, крестьянин!
 Эта песня для вас,
Навостри на песню ухо.
В одном селе,
 на Волге как раз, —
Была
 засуха.
Суть одолела,
 не справиться с ней,
а солнце
 сушит
 сильней и сильней.
Посохли немного
и решили:
 Попросим бога! —
деревня
 крестным ходом заходила,
попы
 отмахали все кадла.

А солнце шпарит.
Под ногами
Уже не земля—
а прямо камень.
Сидели, сидели, дождика ждя,
и решили
помолиться
о ниспослании дождя.

А солнце
так распалось в высях,
что каждый росток
на корню высох.

А другое село
по другому
с засухами
борьбу вело,
другими мерами:
агрономами обзавелось
да землемерами.

Землемер
об'яснил народу,
откуда
и как
отвести воду.

Вел
землемер
с крестьянами речь—
как
загородкой
снега беречь.

Агроном учил:
— засеивайтесь лаком,
Который
на дождь
неособенно лаком,

**Про Феклу,
Анисью,
корову
и бога.**

Агитка вместо обычных фраз: грубый, неуклюжий, как корова, начинается, для большого юмора, противоположными словами:

Нежная вещь корова.

Корову

не оставишь без пшени и крова.

Что человек:

Жить поровнит меж ласк

и нег.

Заботилась о корове Фекла.

Ходит вокруг да около.

Но корова—

Чахнет раз от разу.

То-ли

дрянь какая поедена и попита.

То-ли

от других переняла заразу.

То-ли промочила в снегу копыта.

Точно барышня! и дальше:

Только тает корова,

Свеча словно.

От хворобы

никакая тварь не застрахована.

Не касается корова

ни жратвы.

ни поила—

Чихает на все стойло.

Известно бабе—
в таком горе
коровий заступник—

святой Егорий.

.Лежет баба на печку,
трет образа, увешанные паутинами,
Поставила Егорию в аршин свечку
и пошла...

только задом трясет по утиному!

Отбивает поклоны.

Хлоп да хлоп.

Шишек деять набила на лоб.

Умудрилась даже расквасить нос.

Всю руку открестила

будто в сенокос.

За сутками сутки

Молилась баба,

не отдохнув ни минутки.

На четвертый день

(не помогли корове боги!)

отошала баба.

Совсем тень.

А корова

Околела, задрал ноги.

А за Фекловой хатой

—Пройдя малость—

жила Акулина

и жизнью наслаждалась.

Акулина дело понимала лихо.

Аж ее прозвали

—«Тетья - большевичка».

Молиться—

не дело Акулины:

У Акулины

другая линия.

Чуть у Акулины времени лишки,
садится Акулина за красные книжки.

А в книгах

речь

Про то,

Как корову надо беречь.

Заболает—

времени не трать даром—

беги скорей за ветеринаром.

—Эти строки должны бы висеть лозунгом в каждой избе!

Глядишь—

На третий

Аль на пятый день—

Корова,

улыбаясь,

выходит за плетень.

Да еще такая молочная—

Хоть ставь под вымя трубы водосточные.

Крестьяне,

Поймите мой стих простенький

да от него

к сердцу

проведите мостики.

Поймите!

Во всякой болезни

доктора

любого Егория полезней.

Поэтому Маяковский заканчивает агитку советом: обращаться, в случае болезни скота, не к богу, а к ветеринару—так верней!..

Производственная агитка Маяковского,

Сказка для шахтера-друга, про шахтерки, чуни и
каменный уголь.

Раз шахтеры
Шахты близь
Распустили нюни.
Мол, шахтерки продралась,
Обносились чуни.
Мимо шахты шел шептун,
Втерся тихим вором.
Нищету увидев ту,
Речь повел к шахтерам:
„Большевицкий этот рай
Хуже—дескать—ада;
Нет сапог, а уголь дай;
Бастовать бы надо!
Что за жизнь,—не жизнь, а гроб“...
Вдруг
Забойщик ловкий
Шептуна
С помоста сгреб,
Вниз спустил головкой.
Слово мне позвольте взять:
Брось, шахтер, надежды!
Если будем так стоять, —
Будем без одежды.

Не сошьет сапожки бог.
Не обует ноженьки.
Настоишься без сапог,
Помощь жди от боженьки.
Чтоб одели голяков.
Фабрик нужен ряд нам.
Дашь для фабрик угольков.—
Будешь жить нарядным.
Эй, шахтер,
Куда ни глянь,
От тепла
До света,
Даже пицца от угля—
От угля все это.
Даже с хлебом будет туго.
Если нету угля:
Нету угля—
Нету плуга.
Пальцем вщепашешь уг ли?!
Что без угля будешь есть?
Чем еду посолишь?
Чем хлеба и соль привезть
Без угля изволишь?
Вся страна разорена.
Где-ж работать было,
Если силой всей она
Вражья сила била?
Биты белые в боях.
Все за труд!
За пользу!
Эй, рабочий,
Русь твоя!
Возроди и пользуй!
Все добудь своей рукой
Сапоги,
Рубаху!

Так махни ж, шахтер, рукой—
Бей по углю с маху—!
И призыв горячий мой
Не дослушав даже
Забивать пошли—забой,
Что ни день—то сажень.
Сгреб отгребщик уголь вон,
Вбил крепильщик клетки,
А по штрекам
Коногон,
Гонит вагонетки.
В труд ушедши с головой,
Вагонетки эти
Принимает стволочной,
Нагружает клетки.
Вырвав тыщей дружных сил
Из подземных сводов,
Мчат уголь по Руси,
Черный хлеб заводов.
Встал от сна России труп
Ожила громада,
Дым дымит с фабричных труб,
Все творим, что надоб.
Сапоги для всех, кто бое,
Куртки всем, кто голы,
Развозил элентровоз
Через леса и доли.
И шахтер одет,
Обут,
Носом в габачишке.
А еды!—
Бери хоть пуд—
Всякой снеди лишки.
Жизнь привольна и легка.
Светит уголь,
Греется.

Все у нас,
До молока
Птячьего
Имеется.
Я, конечно, сказку сплел,
Но скажу для друга:
Будет вправду это все,
Если будет уголь!

В. Маяковский.

(Журнал „Бов“ 1921 г. № 1).

Из производственных агиток еще можно указать:

Н. Асеев и В. Маяковский. „Пора нам перестать верить
заграничным баранам“. Изд.
треста Моссуко 1924 г.

Н. Асеев и В. Маяковский. „Одна голова всегда бедна,
а потому бедна, что живет
одна“. Кооперативн. издатель-
ство. М. 1924 г.

Культурно-просветительные агитки.

Из книги Маяковского „Вон самогон“. Издание
„Красная Новь“.

Вон самогон.

Эй, иди!
 подходи, крестьянский мир!
Навостри все уши
 и слушай.
Заливайся песня!
 пой и греми!
Залетай в крестьянские уши!
Кто не хочет из вас
 в грязи,
 под плетнем,
Жизнь окончить смертью сучьей—
Прочитай про это,
 послушай о нем,
вникни в этот серьезный случай!

Угощаю всех
даром»!

И вот мужики
«лизжут все даровое зелье».

Но когда лошли опохмелиться—Степанида уже потребо-
бовала за самогон деньги, а на другой день—снова
опохмелиться, снова плати,—так и пошло!

«Самогонный потоп
заливает—льет,

Льет потоп
и не хочет кончиться!

Вымирает народ,
нищает и мрет,

Лишь жиреет во-всю самогонщица.
Переехала Водкина в школьный дом.

«Леча зря, мол, учиться в школах»,

А учителя в хлев,

«Проживет и в нем».

Рос в селе за олухом олух,

Половину домов
пережрал пожар,

На другой
поразлезлись крыши.

В поле
тракторы
пережрала ржа.

Нарисовав картину великого разорения, Маяковский
заканчивает агитку так:

Чтоб республика наша
не кончила дни,
самогонную выпив отраву,

Самогонщиков банду

из сел

гони!

Выгоняй—самогонщик ораву.

Выгоняй, кто понт,

выгоняй, кто цвет!

Это—гниль.

Нужна кому она?!

Только тот, кто здоров,

крестьянству оплот:

Лишь от них расцветет коммуна.

Имя ему —

советский рабочий.

Где хозяйская спесь?

Присмирел как зайчик,

под рукой рабочих волк-хозяйчик.

Ни шагнуть ему,

ни орнуть,

ни икнуть.

Настал для хозяйчиков

страшный годик, —

Свистнул хозяев,

и над ними,

как кнут.

навис трудовых законов кодекс.

В этом кодексе

крепкий наказ:

растить

и беречь рабочий класс.

О рабочем труде

должен радеть —

(ст. 1)

кодекс законов о труде.

Этот закон

не обедешь с тылу,

пока рабочая власть жива.

Будем хранить рабочую силу,

будем

беречь

рабочьи права.

. . . Запыхал Фадей,

как червонный туз,

записался на биржу

и в профсоюз.

Входит Фадей на заводский двор,

идет

заключать

трудовой договор.

(ст. 27)

Фадей плечами подпер косяк.
Хозяин жметса, и так и сак.
Хозяйские глазки в стороны лезут,
чтоб такое с Фадея урезать?

Смеется Фадей —
не те времена!

Брось хозяин мозги уминать,
верти не верти.
крутись, как хочешь,
а через кодекс не перескочешь. (ст 29)

Как ни в'едлив хозяйский нрав.
не ужмет

хозяин
рабочих прав.

Говорит хозяин,
— прямо противно.
договор трудовой.
да договор коллективный.

Фадей смеется, сощура глаз,
— буржуям противно,
а нам как раз!

Нынче
с рабочих
не вымотать лишки—
записано все в расчетной книжке, (ст. 29)
не отменишь условий,
хоть плачь да вой,
расчетная книжка —
свидетель живой.

* * *

— Ну, Фадей,
теперь на завод!
Пров лукаво Фадея зовет.
Вошел Фадей,
(ст. 138)
расточил Главица —
куда девалась былая грязница?
Вонь, да пыль, да копоть где?
Все подмел
закон с труде.
Клохчут машины, будто наседки,
для безопасности
скованы в сетки.
Тут и нарочно
рукой
в привод
даже разиня не попадет.
Чаше завод —
не завод, а геенна.
Теперь
по геенне
прошла гигиена.
Прежде машины кропились кровью,
теперь —
берегут трудовое здоровье.

* * *

Крепки устои рабочих прав,
хозяйская жадность
раздавлена в пласт.
Прежде,
знай, налетал на штраф,
теперь не штрафнут.
закон не даст. (ст. 43)

* * *

Раньше выгнать,
что снять картуз
Лицом не потрафил —
готов рассчет.

А теперь,
пообструган хозяйский вкус.
Попробуй погнать.
попадешь на сучек.

Теперь увольнять
много круче

и только

в следующих случаях; (ст. 47)

Во-первых,
если закроют завод,
или на месяц работа замрет.

или,
если к труду не годны. —

в этих случаях —
требуй выходных.

А если
работник
не нужен в деле.

предупредят его
за две недели. (ст. 88 89)

И пусть хозяин
орет и бесится,
а должен заплатить
за полмесяца.

* * *

Конечно. гонят тех,
кто, зря,
вместо работы
копает в ноздрях.

Да и то не уволят их,
пока
не обсудит дело
Р. К. К.

Но если
за дело под суд попал,
и.ц., скажем,
дня на три без спросу пропал,
и.ц. в месяц день шесть прогулял гуртом,
тогда
посидишь с голодным ртом.
Раньше
об отпуске—
год говори!

Особенно,
если хозяин скуп.

Хоть год работай,
хоть два,
хоть три,

а не бывать тебе в отпуску.
Бросили воду в ступе толочь.
В кодексе сказано—

молвит Пров—

пять с половиной месяцев прочь
и двухнедельный отпуск готов. (ст. 114).

А если
работа на вредном деле,
еще добавляются две недели. (ст. 115).

*
*

Раньше
пройти цеховую науку —
парень терпел многолетнюю муку.
Где раньше
мальчонку малл мастер,

Проклятой учебю злюч и колюч,
теперь

рабочей стране на счастье
вырос советский фабзавуч.

(ст. 121).

Собирает он

в уютные стены
молодых гвардейцев для будущей смены.

А у хозяина

морда моржа—
по закону ему фабзавуч содержать.

* * *

Тяжелой работой сводили в могилу
особенно

женщин или ребят.

Теперь

берегут рабочую силу,
законы хозяев весьма бережат.
Старый порядок—прошел бесследно.
В работе ночной,

подземной

и вредной

законом

наложен строжайший запрет

На баб и ребят до восемнадцати лет. (ст. 129).

* * *

Баба на сносях

хозяину что?

А под машиной рожать

не годится.

Кодекс сказал хозяину

—стоп!

Бабе

спокойно дай разродиться.
Четырехмесячный отпуск готовь,
по восемь недель
до и после родов.

(ст. 132).

* *
*

Лишь чистотой рабочий здоров,—
Гордо

Фадеев

заметил Пров.

Кодекс

и здесь стоит на посту
и по заводу блюдет чистоту. (ст. 138—139).

Раньше

работа ли,

нет ли работ,—

полным ходом бежит привод.

Теперь

в перерыве

не случится беда,

рынке.

в обед, молчат привода

(ст. 140).

* *
*

—Ишь ты,

—на это ответил Фадеев—

кодекс твой

ей. ей, чудодей.

Спасибо тебе,
и будь здоров.
Все объяснил товарищ Пров.
Самому бы мне
нигде,
никогда
не узнать про эти законы труда.
Молвит Пров,—
погоди, парнишка.
Порылся за паухой, вынул книжку.
Вот он.

Весь.
Совсем не длинен.
От корки до корки
— час прочесть.
А при нем закон
„надпись:

Калинин.
Фадей улыбаясь ответил:
есть!

С тех пор
у всех Фадеев водятся
эти книжки рабочего кодекса.
Силком не вырвешь,
разве пальцы отвалятся.
Такого кодекса
нет нигде.
Живут Фадей
и не нахвалятся
на советский кодекс
законов о труде.

Поэтами и художниками **Лефа** сделано еще огромное количество агиток и плакатов на темы: политические, культурно-просветительные, производственные и др.

Помещены они в отдельных изданиях, частью в сборан. сочинений **Лефов.** частью в журнале **Леф** № 1—6.

Большинство вывесок и плакатов Гиза, Моссельпрома, Резинотреста и др., которые „перекрасили“ Москву, принадлежат **Лефам**—поэтам и художникам - конструктивистам (Родченко, Степанова, Лавинский и др.).

„Агитационное и производственное искусство“ **Лефа** быстро растёт и крепнет!..

А. Крученых.

Москва, октябрь.
1924 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Союза Поэтов

(Тверской бульвар, 25, „Дом Герцена“).

1. Сопо. № 1.—Сборник Всероссийского Союза Поэтов. М. 1921 г.
2. Сопо. № 2.—Сборник Всероссийского Союза Поэтов. М. 1922 г.
3. М. Ройзман.—„Хевронское вино“. Стихи. Москва 1923 г.
4. Н. Церукавский.—„Соль земли“, с предисловием И. А. Аксенова. М. 1924 г.
5. Н. Берендгоф.—„Доктор Ночь“. Стихи. М. 1924 г.
6. Антология.—„Поэты наших дней“. Москва—ЛНГ. 1924 г.
7. Д. Кузнецов.—„Медальон“. Стихи, с предисловием И. С. Рукавишниковой. М. 1924 г.
8. Г. Ширман.—„Машина тишины“. Стихи. М. 1924 г.

Готовится к изданию:

9. Г. Ширман.—„Песнь о Хаосе“.
-

Книги А. Крученых.

1922—23 г.

- „Голодняк“. — „Зудесник“.
- „Заушники“ — сборник Крученых, Хлебников, Петников, Родченко.
- „Фактура слова“.
- „Сдвигология русского стиха“.
- „Апокалипсис в русской литературе“.
- „Фонетика театра“ с предисловием Б. Кушнера.
- „Собственные рассказы детей“. Собрал А. Крученых.

1924 г.

- „500 новых острот и каламбуров Пушкина“. Собрал А. Крученых.
- „Леф-агитки Маяковского Асеева Третьякова“. Собрал и снабдил примеч. А. Крученых.

Г О Т О В Я Т С Я :

- „Заушный язык у: Сейфуллиной, Вс. Иванова, Леонова Бабея. Ар. Веселого“.
 - „Лель анальный и Яра уринальная“. Исследование.
 - „Разбойник Ванька-Кани и Сонька паникюрщица“. Уголовный роман, с рис. М. Синяковой.
-

О Г Л А В.

	<i>Стр.</i>
Вступление.	3
Из „Обрядов“	5
Советская азбука	14
Рассказ о дезертире	18
Марш Буденного	23
Антирелигиозн. агитки Маяковского	25
Из книги Маяковского „Ни знахарь. ни бог“	35
Производственная агитка	43
Культурно-просвет. агитки:	
Из книги „Вон самогон“	47
„ „ „Кодекс Законов о Труде“	52
